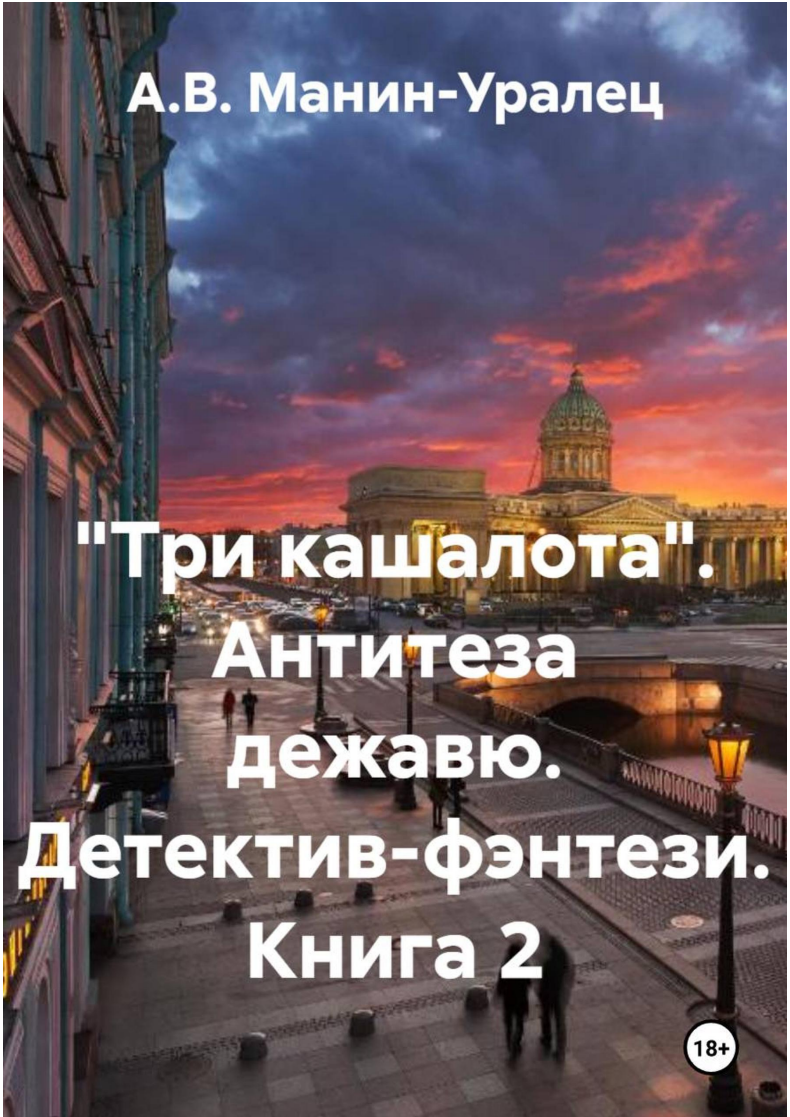

А.В. Манин-Уралец
"Три кашалота". Антитеза дежавю. Детектив-фэнтези. Книга 2
18+

А.В. Манин-Уралец

"Три кашалота". Антитеза дежавю. Детектив-фэнтези. Книга 2

https://litres.ru/72708070
SelfPub; 2025

Аннотация

Терпящий фиаско в любви с девушкой Марией капитан Страдов случайно вступает в отношения с ее матерью актрисой Одоярцевой, связанной с криминальным миром. В поисках карты с драгоценным кладом и зеркальным Камнем преображения, опасным в руках врагов, капитан использует любовницу в разоблачении криминала, вскрыв для себя горькую правду и о ее дочери. Параллельно изучаются данные о кладе Петра I и первого золотопромышленника России Протасова, занимающего все более заметное место в ведомстве «Три кашалота».

А.В. Манин-Уралец "Три кашалота". Антитеза дежавю. Детектив-фэнтези. Книга 2

I

Обновленная система «Сапфир» без колебаний переваривала потоки данных. Аналитика умного железа к вящему удовлетворению сотрудников ведомства «Три кашалота» генерала Георгия Бреева по розыску драгоценностей, золотых залежей, незаконно нажитых миллионов и миллиардов благополучно ложилась на стол каждого из них.

Мелочи, казалось, вовсе не интересовали генерала. Но машина оператора отдела «Опокриф» Андрея Страдова в качестве первоочередной в повестке дня упрямо ставила задачу дорасследования дела о покушении на убийство профессора Самуила Петрегина. Однако! Ведь оно уже принесло свою прибыль?.. А-а! Ну, конечно! Гипотетически, периферийно оно связывалось с попытками террористов сорвать международный саммит глав правительств России и скандинавских государств; и саммит уже сделал в Санкт-Петербурге первые шаги в кают-кампании русского корабля. Переговоры шли без происшествий, не считая досадного недоразумения на

берегу Невы, когда сорвалось выступление цирковых артистов собачьего шапито и собачьей выставки. Об этом шумела желтая пресса, сочиняя, как водится, небылицы. Чего только стоило описание, как жена секретаря шведского посольства прыгнула в Неву вслед за своей питомицей и подняла ее со дна бездыханной. В этот момент будто бы увидела подводную лодку, охранявшую корабль, и кто-то помахал ей в иллюминатор! Правда, дрессировщик цирка мановением палочки собаку оживил. Писали еще какую-то чепуху. Прочитав все это, Страдов только усмехнулся. На мгновение он испытал состояние, схожее с дежавю, как, впрочем, и каждый день на работе, которой отдаешь годы своей жизни. И спокойно продолжил поиск.

Да, приходилось время от времени изучать и всяческие фэйки. Требовались терпение, чувство юмора, чуточку цинизма и здоровая порция пессимизма. Мир должен был казаться тягучим, нудным, требующим отречения. В этом мире все уже было! Мир уже ничем не удивит! Все, что возникает наяву, во сне или даже в воображении – все уже случалось. Мир был сплошь дежавю. Например, он делал несколько попыток склонить девушку к любви. Она все эти разы поступала совершенно одинаково. Все, что ни сделай он в пятый и десятый раз – все будет только тем, с чем он уже в точности, или похожим на то, был когда-то знаком! Даже сидя за этим столом, посвящаясь во все новые и новые тайны, которые окажутся вовсе и не тайнами, ловя знаки в шорохе оке-

ана системы, как матрос в наушниках у эхолота в его подводной лодке… Да, можно только представить, какой удар по нервной системе испытал тот матрос, когда вслед за маленьким четвероногим созданием в воду плюхнулась его хозяйка, как ее там… ну, жена секретаря шведского диппредставительства… Впрочем, неважно! Еще и не такое в жизни случалось и еще не раз случится.

При этом сознание Страдова уже не первые сутки упорно отвергало ту реальность, в которую вверить доверчивое сердце все еще не хотелось. Его шеф, которого он почитал, как и все сотрудники, отцом родным – удачливый и заботливый генерал Бреев, – не посчитался с чувствами своего преданного оператора. Он буквально из-под носа увел его девушку. Иначе не скажешь. А ведь она казалась уже такой доступной!.. Или не казалась?.. Ее сладость и аромат волос, шеи, отзывчивость груди и упругость поцелуя!.. Ее на удивление податливый скелет, который он успел-таки подержать в руках вместе со всем, что на нем наросло и пышно цвело!.. Правда, только как букет опасных колючих цветов, который в конце концов ужалил, впустив и яду. Это было, когда она, оступившись, дала ему возможность ее спасти от падения, чтобы не оказаться в чужих руках. Но и в час пробной встречи ее слегка прохладные губы и обдавший горячим кончик языка, которым она коснулась его губ, были лишь только пробой его, Страдова, на вкус или запах. И не больше того. Хотя он так старательно изобразил наглость и, чуть

смяв ее лицо, попытался широко поцеловать в рот. Но ей тут же пришлось подать свой носовой платок, – на счастье чистый, – она не скрывала то, что ищет, чем бы обтереть его слюни.

И вот все это колючее и по-своему страстное и прибрал к своим холеным длинным рукам в одной из своих тайных квартир их любимый шеф, генерал Бреев… Генерал! Она, правда, призналась ему в любви, но оговорилась, что только на один вечер, в знак благодарности. Но разве он, Страдов, не мог бы сам заслужить ее – спасти и ее, и ее отца, если бы это стало его заданием?!..

«Заданием?! – переспросил он себя. -Тьфу!.. Тьфу!.. Тьфу!.. Изыди, привычка! Любовь не должна зависеть от задания и даже приказа!.. Даже в процессе его самого образцового исполнения!.. Он хорошо помнил, что, вытирая свой рот платком, она, тем не менее, не разочаровалась! Хотя и не получила того, на что в своих грезах безрассудно рассчитывала, заранее зная, что все может остановить в любой миг! Грезы – не жизнь. Они – сплошное дежавю, которое, чтобы не разочароваться в нем, как он, Страдов, нужно потреблять порциями. Разве можно познать мужскую силу одним лишь запахом или даже вкусом поцелуя, пусть вначале и разочаровавшим?!

Знали бы они, изменившие ему оба, что первая часть их кончерто гроссо была прослушана им из подсунутого им же жучка! Да, он подарил ей такую брошь… Единственно, что-

бы уберечь от несчастий прежде, чем это было сделано по заданию генерала. Генерал многому научил своих солдат. «Циничный в делах любви, как и любой из нас, ты, Гоша, я уверен, похвалил бы любого сотрудника, признайся он, что слышал старт ваших воздыханий. И видел ее охорашивание у зеркала, как охорашиваются грызуны перед случкой, как и твою ужасную слишком мускулистую комплекцию чемпиона мира по любовным приключениям вне рабочего времени. Видел, разумеется, лишь в своем воспаленном воображении. Но отчетливо слышал кое-что, перед тем как отключиться от вас.

Тьфу! Как пошло! Все это было, было!.. Миллион, миллиард раз было в жизни людей. Неужели он, генерал, такой умный, находчивый, предусмотрительный, не мог хотя бы открыть словарь терминов и отыскать в нем для нее, кого затащил в постель, что-нибудь получше, чем: «Иди ко мне, потому что я тебя захотел!..»

Ага-а, Страдов, ты ревнуешь!.. А сам стоял болваном из болванов, не находя ни цитат любви, ни цитат бесед с воспитательницами детских садов, где на свидании с ними пытался изобразить одновременно ухажера и внимательного к детям постороннего дядю…

Страдову надо было выговориться. И он выговаривался перед самим собой, подойдя к конечной точке размышлений и выводов сильно удивленным. Только что он готов был признать, что дежавю имеет опыт любых эпизодов жизни;

в них миллиарды схожих и неизменно повторяющихся алгоритмов, отношений полов, драматических страстей и развязок. Но не готов был признать право дежавю на циничную драму, прикрытую предопределенностью: отнять у него, Страдова, то, что не запрещено конституцией. Особенно, когда так бездарно щедр был уступивший!..

На экране все еще не возникло ничего такого, что могло бы послужить поводом даже для предварительного отчета, чтобы отправить его на почту полковнику Халтурину, а тем более для доклада генералу.

Как незримый трансформер привычных и скучных тематик, система «Сапфир» привычно и скучно, точно слой ноосферы в неосознанном слое планеты Земля, складывала фигуры данных, перебирая сотни и тысячи возможных комбинаций. Фактор дежавю был ей подспорьем так же, как человеку являются подспорьем его неотвязные мысли. В машине и в головах операторов менялись картины реального и виртуального миров, исходя из числа и качества версий, рождающихся в каждой из служб ведомства «Три кашалота»… Когда любая из них приближалась к вероятию событий по 100-процентной шкале к отметке 80-90, система подавала сигнал, попросту «зеленый» свет: для этого начеку стоит обыкновенная светодиодная лампочка. Дождись зеленого мигания и… смело отправляйся с итоговым отчетом к начальству, даже пешком, если соскучился по устному рапорту. Двери генерала Георгия Ивановича Бреева и полковни-

ка Михаила Александровича Халтурина всегда открыты. Хотя, при любом раскладе и без особого рвения коллективного единства недостающие двадцать-десять процентов позитивных результатов все равно будут достигнуты. Нужны лишь дополнения в следственно-оперативные действия, и они будут закончены в течение считанных часов. С недавних пор это могло осуществляться любым оператором, надевающим на себя нечто вроде камеры или скафандра аватара. Получив разрешение и доложив о готовности, он переступал порог портала и «докапывал» информацию в своей закопушке любого географического пространства, включая любой отрезок прошлого. Лишь бы эта информация хоть как-то осознавалась познанием и опытом жизни, а не была плотью небывалых фантазий.

«Нет потенциала дежавю – нет и успеха!..» – Последнюю фразу Страдов сейчас вывел сам. Он преобразовал, словно машиной трансформера, слово «дежавю» в целое философское содержание. И нашел этому понятию антитезу – решительное «нет!» никакому бессмысленному повторению, даже закономерности. Как той же предопределенной женской измене! Пусть даже он сам упустил свой шанс. Если этим нарушен душевный покой и жжет в душе стыд, которому нет конца, прочь бессмысленное воспоминание! Если милосердная нравственность не способна оправдать раскаявшегося в его аморальном поступке, пусть даже случайном, человек не имеет права на дежавю. Чего бы схожего с прежним отныне

он ни делал, замаливая грехи и творя добро, ему не вернуться в прошлое, способное одарить новым шансом. Спасение для него одно – за пределами церковного иконостаса. «И ты, переступивший мораль, сколь угодно пытайся вернуться назад, отныне ты как тот, кто возвращается на место преступления! – сделал вывод утешения Страдов. – Преступления не совершал! И наказания тоже! Попросту не сумел объяснить, как важна была для меня эта жаркая ночь в ее объятиях! Да, пусть это ничего бы не поменяло, но…»

«Вывод напрашивается сам собой! – сказал рядом или забравшийся внутрь него чей-то голос, дерзкий и одновременно бесконечно глухой, как шелест обещавшей нескорых плодов яблони-раечки над головой. – Тебе следовало ее попросту полюбить!..»

II

– Мальчики, будьте особо внимательны! – раздался вердиктом звенящий, с нотками школьницы с разлаженными скрипичными струнами, голос Антониды. Какими только словами ни объясняла она, начальник «Опокрифа», повторяя в сотый раз тройке операторов, как важен этап обкатки «Сапфира». – Думайте, чувствуйте, ловите сигнал! Вы должны ощутить, хорошо запомнить его запах! Это – запах золотых залежей либо сундуков с драгоценностями пиратов Кривого Роджерса!..

– Веселого Роджерса! – тут же поправил один из тройки, Дукакис, не упускавший ни единого ее движения, ни единого

звука.

– И не драгоценностями, а сокровищами! – добавил победоносно другой, Михалев.

Сигнала о близких сокровищах на мониторе, перед которым корпел Страдов, пребывавший в дурном состоянии духа, все еще не было. А появись он сейчас, так в чем твоя заслуга? Всего лишь призвавшей соблюсти честь регламента? А потому твой голос, Антонида, звучит в ушах, как надоедливый писк комарихи! Дежавю… Время шло. Фигура Вержбицкой возникла совсем рядом. Бесцеремонно взяв термос Страдова и подставив фарфоровую чашечку под волнообразную струйку приготовленного лично им и пока еще горячего кофе, она приказала ему же, – заразный комар укусил-таки, – не тянуть резину с… отчетом!

– Ну же, Андрей! У тебя сегодня что-то совсем все тихо! Ты пойми! Не та сейчас ситуация!

«Как бы не так!.. – всматривался он в экран, машинально перебирая тексты, картинки. – И минуту, и час, и день назад ситуация была все та же, точь-в-точь как сегодня! Да, он, Страдов, опытен и мудр! И он имеет право на собственное дежавю!..»

На самом деле, и с новой системой «Сапфир», имеющей программу, неофициально поименованную незамысловато «Аватаром», отчет означал информацию хоть с положительным, хоть с отрицательным результатом, все равно. Лишь бы появилась хоть какая-то зацепка, пусть и с погрешностью до

времени уводящей от главного. Однажды, совершив космический оборот из бездонной галактики машинной памяти, она все равно попадется на глаза, чтобы взглянуть на нее, как на искомое, взглядом состоявшегося будущего. Того будущего, которое априори творилось сейчас. И ему, Страдову, открывшему эту тайну, как теперь было не считать каждую новую минуту в каждом новом часе и в каждом новом дне занудной, никчемной и бессмысленной. Даже любые претензии начальства. Но замечание Антониды, подразумевающее его нерасторопность, показалось не только неуместным и не имеющим пользы, но и подозрительным. Оно погладило его самолюбие кошачьей лапкой со всегда нервно выглядывающими острыми коготками, к счастью, неглубоко, хотя и совсем близко к одинокому сердцу, и поцарапало кожу до мяса.

– Я тебе даю кофе, а ты ко мне с претензией?! – то ли думал, то ли говорил Страдов, словно желая вторично за истекшую неделю выглядеть невинной жертвой. Да, да, незаслуженно задетым за его все самое живое!

– Нет! Просто сообщаю, чтобы ты приготовился к более серьезной работе. – Эхом отозвался в сознании ответ Антониды.

«Не сообщаю, а предупреждаю, – поправил он тут же. – И что значит – «к более серьезной? Будто работа его не серьезна?! – Он готов был возмутиться вторично. Но спасительная философия помогла. Он уже и не такое слыхивал! Ничего аморального он не совершил, значит – прав!..

– Не сердись… С минуты на минуту заявится Бережнякин, будь готов… А за кофе спасибо. Ой, еще горяченький, ароматный!.. И крепкий, что немаловажно! Надеюсь, ты рад?

«Да, отныне я рад даже Бережнякину! – подумал он, верный установке не удивляться ничему. – Но причем здесь кофе?! Почему кофе не должен быть горячим, крепким и ароматным?..»

Страдов видел, как при их диалоге с Антонидой еще более встрепенулись, заерзав в своих креслах-вертушках, театрально округляя глаза, начиная их протирать, как ото сна, Михалев с Дукакисом. Их четыре глаза показались поверх спинок кресел четырьмя развернувшимися к нему жалкими осиными жалами.

– Ты не подумай плохого. Я сама понимаю, что поторапливать кого-либо бесполезно… то есть… хочу сказать, не нужно.

Все кругом это также знали. Тогда зачем вдруг об этом говорить?.. Но!.. Значит – чего не бывает в жизни! – Вержбицкой от него потребовалось нечто большее, чем отчет. Ей требуется его общество! Но почему это вдруг?! Может, она заметила, как удлиняется лоб его черепа, становясь лбом философа, когда он ее видит? И за это вдруг полюбила?! Нет! Виной всему только химия. Он полюбил. Пусть даже не ее. Но она, почувствовав вкус его несостоявшегося счастья, теперь не желает делиться им ни с кем другим… то есть, ни с

какой другой! Или же, напротив, она видит, как в своем свершившемся горе он одичал и стал одинок!.. Женщины чувствуют запах этой смеси и безотчетно идут на него. Миллион, миллиард раз повторившийся случай в жизни!.. Или это только закономерность?..

– Я рад, Тоня, – только и вымолвил он, однако, убивая одним ответом сразу трех зайцев. Да, он рад Бережнякину. Да, он рад, что она пролепетала извинение. И да, он рад, что счет пошел в его пользу. Она сдается!.. Но мы примем это к сведению лишь после пятой попытки подступиться к Марии Костюмеровой!..

Вержбицкая будто почуяла неладное.

– «Тоня» я для вас только после работы. Об этом советую никому не забывать!

– Слушаемся, госпожа! – ладным хором, очень натренировано слились голоса Дукакиса с Михалевым.

«Ага! Она решила поизмываться над ним, как Мария, дочь фирмача Костюмерова, показавшая горячее сердце, но прохладные глаза и ледяной расчет! Антонида повторяется. Нет, воистину нет вокруг ничего необычайного. Одна сплошная нескончаемая икота, когда тебя лишь вспоминают, и не более того! Дежавю!» Страдов вновь заставил себя подчиниться приказу и вновь погрузился в работу.

В программах и подпрограммах общей системы поиска «Сапфир», «Скиф», «Аватар» и других ведомства «Золотое руно», неофициально именуемого «Три кашалота», неиз-

менным оставалась почти стопроцентная гарантия искомого результата, который возникал как бы сам по себе, единственно по своему усмотрению.

Индукция и дедукция в мозговом железе делали свое дело. Каждый сотрудник и отдел знали, что и без их «открытий» и отчетов, отправляемых в адрес общего потока данных, почти девяностопроцентная отметка успеха достигалась в любом случае, лишь немногим дольше по времени, только и всего. Иначе трест попросту бы лопнул. Но зарплата нужна была всем. И все самоотверженно переживали рабочий день. Все, кроме Страдова. Он раньше бывал самоотверженным и не один раз. Теперь же повторяющаяся любым намеком ситуация для него оставалась повторенной ситуацией, только и всего. Он все еще был напряжен, недоволен и угрюм. Начальство для чего-то существует всегда и чаще всего тогда, когда в нем не бывает особой нужды. Но иногда без него не обойтись, потому что что-то вылетает из головы и потом не возвращается, а зачастую некстати забывается вовсе.

Вержбицкая, наконец, вежливо оставив его в покое, вежливо поторопила Бережнякина из отдела «Кит-Акробат».

Оттуда, наконец, в «Опокриф» был передан один из двух, переведенных на современный язык, экземпляров рукописи; той самой, найденной в одном из старинных особнячков шведского посольства петровских времен, уже ставшем притчей во языцех благодаря ученому историку Самуилу

Петрегину. Он тоже, видно, решил навечно обосноваться в извилинах сотрудников отдела «Опокриф».

В старой рукописи оказалось то, что почти вывело Страдова из его философских апофегм и личных сентенций. Это было живейшее и во многом неповторимое жизнеописание золотодобытчика Ивана Протасова. Причем, с его младых лет. Да, что-то все еще наполняло атмосферу, словно дежавю, но!..

– Полундра! – тихо воскликнул, слегка отшатнувшись и озираясь, Страдов, будто увидел выигрышный номер лотерейного билета и ухватился за первого подвернувшегося безработного телохранителя. То есть… Эврика! Эврика!..

– Хм!..

– Гм!..

– Что-то новенькое? Вот и славно!..

Он отхлебнул из кружки кофе, даже если бы она оказалась пуста, машинально вытер губы и стал читать то, что будто чудом было выложено перед глазами на экране монитора.

III

«Несколько лет тому назад, работая в старинном особняке сотрудников иностранного посольства, только что отданном под архив Присибирья XVIII века, расположенном между музеями Арктики-Антарктики и Ф. М. Достоевского, я перебирал имевшиеся в нем документы для сбора материалов по просьбе одного издательства, «Зеркало флота». Тема касалась русского военного мореходства и, в большей сте-

пени, Русской Америки. Начало ее открытия, как известно, было положено трудами Петра Великого, направившего при жизни своей Камчатскую экспедицию. Мало кто знал всю тайну, подвигшую Петра искать пути к Америке и ее южным берегам через восточные пределы России по северным морям и сквозь континент. И что с тою же целью был послан до того времени в искомые земли «терра-инкогнито» корабль с экспедицией Прова Протасова. Следующие состоялись волей преемников императора. В течение двух последующих десятилетий после его кончины они сумели снарядить еще две экспедиции под водительством того же капитан-командора Ивана Ивановича (или же Витуса) Беринга и его сослуживцев.

Не знаю уж, какое счастливое наитие направило меня в эти дебри, коих, казалось, лишь краем задевали другие важнейшие события интересующей меня эпохи после петровских времен. Но именно в этом особняке, где, работая за большим письменным столом, я вдруг вместе с этим столом провалился под пол, видимо, прогнивший от времени, хоть и покрытый крепкими балками дубового дерева и плитами букового паркета. Можете представить, какое изумление и страх пережил я, увлекаемый земной силой, неведомо откуда взявшейся, в сопровождении треска дерева и, увы, собственных костей. Сломанная нога и рука – вот что стало результатом моего падения. И все это я увидел как в зеркале. Казалось, оно в тот миг потешалось надо мной. Я видел

его глаза, улыбку, слышал его булькающий смех. А вокруг плавали его мысли в виде маленьких воздушных зеркальных шариков. Таким образом, результатом моего падения стало либо помутнение разума, либо наблюдение неведомого, сакрального явления…

… Но также – и величайшего открытия, которое выпадает исследователю великих тайн лишь один раз в жизни. Это подполье, то есть промежуток между первым и вторым этажами, о котором не подозревали, беря во внимание величину особняка, ни новые служащие музея, ни, должно быть, даже те, кто занимал его столетия назад, явилось ничем иным, как хранилищем документов именно той эпохи, которая так интересовала меня. Это – и книги в позлащенных окладах, украшенных самоцветными жуковицами, и несколько тетрадей рукописи о жизни и приключениях некоего великого авантюриста.

Уже долечивавшемуся, мне приходили вести о том невероятном открытии, которое, волею случая, было суждено сделать именно мне. Документы, о которых идет речь, являлись столь уникальными и ценными, что научная историческая прослойка Санкт-Петербурга и Москвы уже в течение нескольких дней и ночей почти не смыкала глаз. Счастливцами считались те, кто получил доступ к ознакомлению с этими бумагами, ведь многие из них давно считались либо пропавшими, либо же вымыслом, как долгое время считали вымыслом легендарную Трою Гомера. Но содержащиеся

в них сведения, подтверждаемые самыми серьезными фигурами той эпохи – императрицами российскими Анной Иоанновной и Елизаветой, и особенно подробно шефом Тайной канцелярии, г-ном Широковым – указывали на то, что не только бумаги были сущей явью, но и содержащийся в этой яви истинный дух правды.

Было странным исчезновение свидетелей, кто прежде знакомился с щекотливыми обстоятельствами жизни этой удивительной, поистине загадочной персоны.

Уже позднее, когда мне, по праву открывателя, посчастливилось в уединенной тиши увидеть уникальные документы, книги и рукописи, я твердо сказал себе: все они могли принадлежать лишь одному лицу. Они открывали не только его положительные черты. Многое им было использовано в личных, корыстных целях. Причем, с такой хваткой, смелостью и несомненным извлечением выгоды, что нам только остается изумляться величию гигантов, геркулесов, антеев, атлантов русского авантюризма.

И нам остается в изумлении постоянно задаваться вопросом: кто становился проводниками их непомерно честолюбивых амбиций?..»

Страдов допил кофе и, отставив кружку, положил левый локоть на стол, уперевшись подбородком в кулак. Дело казалось столь таинственным, что были не нужны лишние свидетели. Правая рука невольно потянулась к клавишам, чтобы увеличить кегль курсива.

«Но чем больше вникал я в содержимое бумаг, тем заманчивей и одновременно страшнее становилось мне ощущать себя первооткрывателем таинственных страниц. Эту историю поистине творил тот, кто отныне стал, пожалуй, наиболее важным героем моего исследования, превзошедшим по богатствам и благотворительности императоров более, чем мог бы сделать известный литературный персонаж, используя сокровища Спада. Я чувствую, он – рядом. И из архива Адмиралтейства он дышит мне в лицо и в затылок, словно намеренно не позволяя взглянуть ему в глаза…»

– Погоди! – произнес удивленно Страдов, мысленно потирая ладони в радостном волнении. – Он что, этот первооткрыватель межэтажных пространств, решил блеснуть беллетристикой? Он пишет уже не о находке в одной из недвижимостей музея Арктики и Антарктики, а о новой – в Адмиралтействе?.. Ну-ка, ну-ка, что там у него следует дальше? – Он вышел из курсива, словно потерявшего привлекательность для того, кто невольно вгляделся в чтиво уже не как в первоисточник эпохи, а как в увлекательный роман.

Последовавшая новая информация перевела его риторический вопрос в плоскость бывшей, но некоей, имевшей место яви.

«…Тут необходимо сделать недвусмысленное признание. Если многие документы стали теми изюминками, которых не хватало историкам для заполнения недостающих глав своих диссертаций, то для меня, уже едва ли не беллетриста, насто-

ящим подарком стало наличие среди десятка книг, вороха бумаг, свитков, сшитых документов – настоящего богатства: сокровища летописной жизни моего героя.

Ее составляли постепенно, кропотливо, в течение 70 лет неизвестные доселе авторы.

Их, летописцев необыкновенного жизнеописания, вероятно, долгие годы, десятилетия держал возле себя, как цезарь и помазанник божий, этот непомерно загадочный честолюбец, гений авантюрных замыслов и приключений Иван Протасов. Добавлю: этот король, царь, падишах, фараон значительной части вселенной, оставленной своей державе Петром I.

Да, царь! Да, возможно, и помазанник Божий! А когда Богу было угодно, и орудие дьявола.

Ибо трудно оказалось отмерить на весах судеб, чего в его жизни было больше: пищи богоугодной или запретной, учитывая, что он, этот необыкновенный человек, сильный, как каменный идол, степной или таежный дух, дух гор и долин, распоряжался своими несметными, невиданными и, допускаю, никем прежде немыслимыми богатствами.

Но главное, и это подсказывает мне свыше незримая мысль Откровения, человек этот был поставлен править миллионами волею высшей силы. И об этом знал он один, да, может быть, ближайшие его помощники или сообщники, как теперь и вы, мой читатель…»

Страдов даже оглянулся, словно боясь, что кто-то, кто

вручил ему ключи к разгадке неких новых тайн, гарантирующих отличный отчет генералу, может их и отнять. Не надо было опасаться только одного человека – самого генерала Бреева, потому что план по сокровищам он ставил выше всех вещей.

Но, возможно, он лишь хотел удостовериться: а не заподозрил ли кто-либо и в нем самом, операторе Андрее Олеговиче Страдове, сообщника сатанинских сил? Ведь именно он, а не кто-то иной во всем ведомстве накануне дерзнул устроить прослушку самого генерала!.. Поеживаясь и боясь признаться самому себе, что встал у края пропасти, чтобы затем заглянуть туда, куда, может, не следует заглядывать никому, Страдов честно вздохнул. Но ведь бросившая его Маша сама попыталась научить его правилу: ничего не знать без причины. Подчиняясь наитию неосознанного чувства, страха или одержимости, он поискал шрифт, что мог бы быть более уместным для чтения подобных материалов. Испробовал один, другой. Но потом вернулся к первоначальному, дочитал все до конца и задумался над прочитанным.

– Да, оно того стоило, – сказал он себе.

IV

– А теперь, мысль, веди к искомым сокровищам! Или драгоценностям, без разницы. Ими здесь никого не удивить, но тебе за них платят хорошее жалование. Будь добр отработать!

«…С поклоном к неведомым летописцам я должен про-

сить у них прощения.

Я использовал весь доступный арсенал свитков и фактографии нашего героя для создания собственной версии его жизни.

Я узурпировал вольную трактовку тех или иных поступков героя, господина вселенной и работодателя.

Лишь тот исследователь, кто хоть однажды познал жизнь в состоянии, похожем на анабиоз – жизнь в небытии с неведомым завтрашним днем, способен отдаться писательскому труду и затем выложить его на стол искушенному ценителю любовных романов и приключений.

Да, такой ценитель ждет приготовленных яств, поданных на «золотом блюде», может даже, в уже разжеванном виде и наиболее удобоваримом для его искушенного желудка. Теперь ему требуется лишь сделать небольшое усилие и проглотить это кушанье.

И я уже сам – как Бог! Кроты роют норы в толщах старинных, сшитых вручную фолиантов или плотно упакованных архивных коробках, чтобы сжевать все, что связано с этим загадочным образом.

Ставя точку во вступительном слове, я с огромной грустью, по завершении своего труда… закрываю его… как и само жизнеописание. С тою последнею оговоркой, что все главное и важное в моей истории есть сущая правда. Хотя, описав ее, даже я не до конца уверовал, что правдив и сам первоисточник.

Но лишь в обработке беллетриста могла быть подана вся эта жизненная история широкому кругу читателей. И я позавидовал бы такому читателю, ибо он еще не узрел того, что теперь стало доступно моему восхищенному и одновременно печальному взору…

Перед глазами встают образы величайших гениев удачи, таких, например, как флорентийский мастер золотых дел Бенвенуто Челлини, который в безнадежной для себя ситуации противостоит большой группе смертельных врагов; вооруженные заговорщики окружают его, но он побеждает их.

Как представленный миру, хотя и вымышленный герой, тот самый граф де Монте-Кристо. Великий авантюрист и богач. Но все же не столь ловкий и не столь богатый, как тот, кто стал героем, господом удачи на неохватных просторах России – от Санкт-Петербурга до Урала и Зауралья, от Сибири и до края Камчатки.

Имя его – Иван Прович Протасов.

Еще его дед и отец, по воле Петра, простерли свое влияние за пределы Тихого океана, достигнув западных берегов американского континента. Для чего? Чтобы и там взять столько золота, сколько оказались способны сыскать моряки, и принять на борт их потрепанные бурями корабли.

Лишь одно дает объяснение его невероятной удачливости: это ангельская или же дьявольская сила, управляющая устремлениями и поступками людей. Но сопровождение ее постоянным успехом требует расплаты за грехи искушения

быть выше законов и царей, царей и законов множества невидимых духов, где каждый есть часть всеобщего механизма творения и уничтожения сущего, а также и отражения его нашими органами чувств.

Поскольку события имеют место на реальной земле, то и наш гений удачи, несомненно, черпал силы в тех, кто постоянно сопровождал его, как ангел, и кто позволял использовать для воплощения великих замыслов и кровь, и плоть, и человеческие судьбы…»

Страдов почувствовал, что в эту минуту рядом с ним встал незримый дух. То ли умного железа, то ли умного незримого воздуха, из которого весь мог быть сотворен.

– Да, – произнес тот, – словно дыша рядом и заглядывая в монитор, на текст рукописи. – В моей власти – любая душа, которая хотя бы раз видела свое отражение в зеркале или в воде; даже любая рыба, которая смотрит со дна наверх, откуда поступает кислород, и видит вместо неба зеркальную границу атмосферы и тяжелой толщи воды…

Впрочем, это тоже почудилось дежавю. Но Страдов им не пренебрег, оставив в уме.

«…А теперь… о названии моего труда. Ни в одном герое – исторической личности или же романтической фигуре, описанными в мировой литературе, – не наблюдал я столь много противоречивых черт одновременно.

В нем – и человеческая, плотская слабина и большая, почти нечеловеческая сила.

В нем – смиренная доброта – мать всех благодетельных поступков и жестокая беспощадность.

В нем прекрасная щедрость – богиня бедняков и широта души, творящая мир.

Но в нем и строгая душевная рачительность, позволяющая всегда быть рядом с толпой, но не в ней; и холодный хозяйский расчет, чтобы этой толпой управлять.

Лишь великие мира сего могут позволить себе проявлять букет этих качеств одновременно.

И лишь помысла его достаточно, чтобы вдруг оказаться в царских покоях, даже соблазнить царственную особу. Или наградить принца или принцессу.

Нет, воистину, такое может совершать только избранник неба. Вот почему свой труд я хотел бы назвать «Избранник небес». Но я лишь исполнитель, получивший минимум прав. И все решит заказчик – Санкт-Петербургское издательство «Зеркало флота»…

– Несчастный! – воскликнул Страдов, ощутив прилив странной ревности. Ревности к любому, кто был способен, благодаря своей силе, соблазнить и одарить. Этого выкрика, однако, никто не услышал. – Кто ты есть?! Тот, кто, дав в руки старое жизнеописание золотобытчика Ивана Протасова, будто нарочно дразня любопытство, уже почти уведя в сказочный мир «Тысячи и одной ночи», с пещерами, полными золота для генерала Бреева, – да, да, я не забываю, кому служу! – вдруг возвращаешь всех на грешную землю?!..

– «Зеркало флота»… Проверим, существует ли такое издательство сейчас?..

Но вначале всю, обрушенную на него, информацию Страдов поспешил отправить другим операторам. Потом он подумал: труд этот, на авторство которого теперь желает претендовать и доктор наук историк Петрегин, прежде опубликован не был! Будь это иначе, мозг восточного портала в прошлое «Миассида» выложил бы на экран сведения о наличии такового труда. Однако, ни где он был издан, ни каким тиражом, ни сведений об авторе – ничего этого в его памяти не было.

Страдов подумал и об использовании полученных данных для создания доклада, проиллюстрировав его системой видео-реконструкции «Скиф», если таковой доклад от отдела «Опокриф» потребуется, как говорится, на стол главе ведомства аналитиков-аватаров генералу Брееву.

А чтобы такой доклад срочно востребовался, следовало еще доказать, что эти рукописи могли бы помочь обнаружить вначале нераскрытые тайники русского графа Монте-Кристо, или же самого кардинала Спада, а затем, что в этих тайниках – достаточное количество золотого металла, чтобы ради него начать разработку рудников или перейти портал в XVIII век.

Впрочем, переход через портал осуществлялся в крайнем случае; обычно материалы помогали отыскать следы нетронутых и сохранившихся драгоценных кладов очень опера-

тивно, а их местонахождение фиксировалось «кашалотами», как правило, уже к концу рабочего дня.

Антонида, на счастье, куда-то исчезла. И Страдов направился к полковнику Халтурину. Он давно свыкся с этим маршрутом, потому ноги и подсознание сами привели его куда надо. Возможно, именно подсознание и выложило все в лицо полковнику. Выслушав оператора, Халтурин просто и обрадовано сказал:

– Значит, начать надо с редакции «Зеркала флота»?.. Что ж, значит, пришло и твое время. Портал уже апробирован, результаты хорошие. Все целы, здоровехоньки! Иди, даю разрешение. «Аватар» откроют, сейчас распоряжусь…

Он так просто говорил о подключаемой к шлему системе искусственного сновидения, слишком уж буднично сравнив с аватаром фантастов Стругацких, что поневоле по спине скользнула большая холодная намыленная мочалка, как у порога в баню зимой, резко обдав и мягким снежком, и ледяной теркой морозца, саднящего кожу. Стало немного не по себе, будто на самом деле дорога выстилалась в другое измерение и в другое время, как в ленте об аватаре – попадающем на другую планету герое, чтобы спасти от происков жадных до сокровищ землян ее коренных обитателей – стройных голубокожих атлетов ростом с небольших великанов. Но здесь принцип был иным: только сформированный багаж задачи, понимание предмета, импульс к сновидческому путешествию и человеческая интуиция с подключением к

железному мозгу системы. Затем пробуждение и сверка своего отчета с отчетом машины, пишущей все. С непрерывной передачей в мозг человека картинки всей известной к текущему моменту информации о месте появления в другом измерении и… в этом самом Адмиралтействе…

V

Страдов увидел себя в родном городе. Северная столица была тиха и, как всегда, подчеркнуто внимательна к прохожим. Словно сонник, который следовало открыть, чтобы найти причину любого сновидения проснувшегося человека, вспомнившего его содержание. Страдов, правда, уже не помнил, что попал сюда из московского офиса ведомства «кашалотов». Не должен был помнить. Система отключала тревогу и страх. Со всех сторон на него воззрились здания, хмурые и мудрые, как ведуньи и практики древних жрецов; протекавший канал, словно в нем текла не вода, а поток вещих снов; видневшиеся мосты, готовые разделиться надвое, чтобы на ночь стало два Санкт-Петербурга. Низкие поребрики тротуаров, некоторые из которых могли предсказать, когда кто-то споткнется о них, в задумчивости или в страхе спеша от убийцы. Граница дороги и реки с участком парапета, которую не стоило переступать. Страдов ощутил одновременно судьбоносность прогностического предсказателя и, словно тупик, необратимость, а также потерю тех воспоминаний, почему он здесь очутился. Проснувшееся знание его физической сущности увлекло через мириады зер-

кальных отражений, сквозь вены и сухожилия, спинной мозг и жгуты нервных волокон, к эпофизу и гипофизу головы и генным спиралям. Он увидел работающие, как автоматы, рибосомы, штампующие терсы – гены старения. Они делились надвое, чтобы затем одна из них отмерла. В месте их разрыва не было ран, а были два зеркальца, грустно мигнувшие друг другу на прощание, как мигает вдали приближающийся маяк, или как свет затухающего уголька готовится перейти в стадию угасающего мерцания.

– Тебе надо поторопиться! – подал кто-то сигнал. Он стоял в том месте, где более века назад молодой князь Юсупов тщетно топил в ледовой реке, вонзив в жертву нож, старца Распутина…

Найти адрес издательства «Зеркало флота» Страдову оказалось проще простого. Он оказался в путеводителе его головы. Однако по указанному адресу его уже не существовало. Прежде оно располагалось в здании НИИ флота, представлявшем собой, судя по фотографии, оказавшейся в руке, пятиэтажную железобетонную округлую башню с зеркальными окнами, чем-то напоминавшую башню маяка.

Рассматривая ее, Страдов выяснил у прохожих, что в настоящее время здание было занято арендаторами. Его полуподвальные помещения и два первых этажа занимала зеркальная фабрика, наверху башни сосредоточились вспомогательные службы располагавшейся неподалеку, в старом особняке с видом на Неву, частной фирмы-агента «Дипкор-

пус Скандинавии». Оказался здесь и музей жизнедеятельности изобретателя Олега Страдова.

В эти минуты Страдов-аватар не мог знать, что глава криминального отдела «Сократ» полковник Халтурин, получая от него все новые данные, мысленно посылал в «Опокриф», начальнику отдела Вержбицкой благодарность. Как и то, что она мысленно переадресовывала эту благодарность ему, Страдову. Поэтому пока он все переносил со спокойствием опытного следопыта. Вместе с машиной в нем разрабатывалась версия, что преступники засели не в посольстве Швеции, а в фирме «Дипкорпус Скандинавии», о регистрации которой во всей информационной системе не было ни звука. Это была липа. Здоровое бетонное древо башни пострадало от короедов и прочих паразитов, источивших его своими лабиринтами. В них, держа под контролем и в страхе тысячи людей, досаждая фальшивыми звонками, обманывая наивных абонентов, ядовито запудривая им мозги, работали остатки русских агентов и их одураченные наймиты, на деньги шведских или же натовских спецслужб. Кстати, Страдов при этом даже не представлял, где бы все это могло находиться. То есть, где находился он сам. Отправляя информацию в общий почтовый ящик, он сумел привязать к ней свою мысль, проследить ее путь и увидеть, как кто-то из операторов других служб тут же взялся за разработку новоиспеченной фирмы и отслеживание ее связей с фабрикой зеркал. Вскоре в голове возник адрес: «Протасовка…» Промелькнул

нул какой-то номер, который, понадеялся он, могла успеть схватить в память машина. Увиделась табличка, указывающая будто бы на музей эзотерики и зовущая вступить с кем-то в какой-то контакт. Но его с чистой совестью тянуло вернуться к исторической рукописи о загадочном богаче всех времен и народов; позарез нужны были сведения о несметных сокровищах. Но, как и полагается во сне, интуиция вела к искомому результату сквозь череду своих лабиринтов. Что ж!.. Следуя принципу: подготовлен, значит, вооружен, Страдов решил проверить, обладает ли сверхспособностями, какие приписывались Ивану Протасову в системе сакральных опытов с рудами, минералами, металлами и зеркалами, кто-либо из нынешних современников? Импульсивно человеческие и машинные полушария мозга послали и приняли запрос. В тот же миг к ключевым словам для поиска следов в общей системе, помимо значений «Зеркало бога Одина», «Зерцало Духа Яви» и прочих, уже препарированных в отделе «Опокриф», присоединились и другие. Пришли сообщения о зеркалах Козырева и им подобных: когда в зеркальных цилиндрах или пирамидах люди обретают временный дар наблюдать прошлое или будущее, а также поправляют здоровье или обретают паранормальные способности. О работе комиссии Российской академии наук по борьбе с лженаукой и ее противостоянии с экстрасенсами. О Кашпировском, воздействовавшем на миллионы людей с экранов телевизоров, находясь по другую сторону таинственного зеркала

эфира. О Джуне, утверждавшей, что, если кто-то насильно и воздействует на людей своим даром, как Чумак, то лично она не строит между собой и людьми никаких таинственных преград. Вдруг увиделся Дух Яви, расположившийся в отделе «Опокриф» в кресле отсутствующего Страдова, и его бесконечно множащаяся, как у любого олицетворения зеркала, усмешка. «Что бы вы делали без меня?! Хотел бы я вам это показать!..» – «И мы не лыком шиты!» – хвастливо мыслью отвечала объединенная в единую ипостась сущность человеко-машины. Мысль эта тут же превращалась в картинки. Велись дебаты об исследователе космических паранормальных явлений и полтергейсте Владимире Замороке. О посещении его некоей Санияр, к которой липнут не только ложки и вилки, но и целые бутылки шампанского… «Выпить бы глоток, не помешало бы!» – сказала про себя, облизнув губы, та часть, которая принадлежала человеку Страдову. – И, пожалуй, – добавил он, не веря тому, о чем размечталось на службе, хотя и спал крепким сном, – вздремнуть хотя бы с часок, ибо не подобен я этому вот… как то бишь?..» – «Да Федору ж Нестерчуку!» – тут же подсказала вторая, железная, половина. – Но вот существует ли такой, не ведающий сна, на самом деле? Феномену верится с трудом! Даже мне необходим перерыв: разобрать там всякие детали. Выдуть резиновой грушей пыль. Смазать, что требуется…» – «Глупцы! – встрял в их диалог Дух Яви.– Феномен реален! Но он в том, что сновидение можно спрессовать! Да, да, ускорить,

погрузив в камеру зеркальных отражений, где иные пластины постоянно восполняют затухающее ускорение. Да, при этом они тают, теряя слои энергии и утоньшаясь, но для эффекта придания объекту все более увеличивающейся скорости незаменимы! Об этом я подсказал твоему отцу, Андрей Олегович… И появилось то, что он назвал «телом сверхзвука». А ты и не знал?..» Страдов не услышал последней фразы, которую тут же стерла система контроля за секретной информацией. «Да, жена Нестерчука подсмотрела, как ее благоверный, покуда переворачивается с бока на бок, все же похрапывает!..» – «Вот, что я и утверждаю! Пусть не успевает поспать, но это – сон!» – «Так ведь с полминутки, не более того!» – «И тем не менее!..» – «И эту мелочь вы, смертные, признаете мировым рекордом?! Да знали бы вы, сколько не сплю я!» – Дух Яви, показалось, засмеялся; заскрежетало и забулькало его нутро. Невольно завибрировало и в голове аватара. Страдов тряхнул ею, отгоняя со сновидения спам, огляделся и поежился.

VI

Нет, он точно не знал, спит ли он. Но пожелай сделать усилие, какое делают люди, чтобы избежать страшного финала кошмарного сна, или же испытай он тоску по тому, что покинул, система бы сразу переключила дремлющее сознание на возврат к первоисходному. Да, он стал испытывать чувство ностальгии, обреченности, но не страха, а того, что, напротив, порождало любопытство. Ноги сами несли его к це-

ли. Он вошел в коридор, где справа на двери висела табличка: «Музей изобретателя Олега Страдова». Дверь с трудом подалась и очень сильно, будто на проржавевших петлях, заскрипела. Она и открылась не полностью, но щели хватило, чтобы он проник в помещение. В нем не было ламп освещения, но все экспонаты хорошо различались. На серых стенах, в витринах, в турникетах, на столе, за которым дремала смотрительница с головой, укутанной шалью, было много бумаг, документов, рисунков, схем и таблиц; несколько схем отображали траектории каких-то летательных аппаратов. Из двери подул ветер, и турникет стал листать свои пластиковые страницы с иллюстрациями и портретами людей – промелькнули знакомые лица: Кибальчича, Циолковского, Королева, Макеева… Лежало всего несколько книг, с которых сквозняк сдул серебристую пыль. Лишь кое-где встречались непонятного содержания вещи, словно детали машин, мелких узлов, металлические пластины разных оттенков; фигуры от пирамиды и октаэдра – двух склеенных пирамид до многогранного икосаэдра и по нарастающей количества их граней, пока фигуры, необязательно правильные и симметричные, в конце концов не становились почти шарами; в любой каждая грань имела блеклый оттенок, от белого и блеклого до золотого и черного, отличаясь и разностью отражения света; до матовых и замутненных, не выпускающих отражений, но, казалось, переваривающих их в своих телах. Некоторые из них, как только он приблизился, точно ожили, как заведенные иг-

рушки. И в тот же миг помещение наполнилось бегающими зайчиками от лучей невидимых источников света, огоньков, сияний, радуг и глорий. В детстве отец устраивал ему похожую забаву, которая однажды отчего-то навсегда и, казалось, уже бесследно исчезла из памяти. Как и загадочные строки дневника матери. Его он также сейчас узнал, лежащим под стеклом… Обратили на себя внимание и гладкие, тщательно ошлифованные металлические пластины с нацарапанными на них датами изготовления петровских времен: нескольких видов сплавов – от медных до ярко зеркальных, без признаков ржавчины. Это не было стеклом, ни одна не разбилась, когда Страдов, дернув за ручку застекленного шкафа, необычайно сильно, чего от себя никак не ожидал, встряхнул его; от этой необычайной силы часть, несомненно, очень тяжелого содержимого глухо и со звоном просыпалась на пол. Но в тот же миг каждая из пластин стала рождать свой туманный, смутно проявляющийся в воздухе образ; и все вместе они закружились вокруг человека аватаром, проникнувшим в мир их тайн. Чувство ностальгии, смешанного с неисчезающим любопытством, будто листался альбом уже усопшего, сменилось прагматическим желанием жить дальше. Внезапно проснулась смотрительница. В ней Страдов узнал женщину, очень напомнившую Марию Костюмерову. Все еще очень привлекательную, лет около сорока пяти или поменьше, тут же изящно приспустившую шаль и показавшую высокий белый лоб, слегка, более обыкновенного вытянутую

нижнюю половину лица. Она почему-то ассиметрично приподняла длинные ровные брови, вгляделась, приятно улыбнулась, показав и белые крупные зубы.

– А-а, вы, наверное, на счет золотого клада инженера Страдова?! Так его нет! Правительство посчитало правильным передать все в гохран. Да и где здесь было разместиться! У нас же не музей Алмазного фонда!..

Услыхав это, он не стал с нею здороваться, чтобы заводить долгую беседу. Он начал осознавать, что все это может происходить во сне. Он даже подумал о попытке это проверить, напрягся, встряхнулся всем телом, мотнул головой; изо рта его вырвалось несколько гортанных слов. Вдруг женщина в смятении приложила руку ко рту, прикрывая формы выражения ужаса, смешанного с тем, что бывает от лицезрения безмерного бесстыдства. Она вытаращила на него глаза, затем замахала руками, хотела что-то сказать, но тут словно вихри отражений многих трюмо, приподняли ее и растворили в том, где ей, наверное, и предстояло быть – в ее каком-то, несомненно, странном прошлом. Или в будущем?!.. В распадающемся тумане напоследок вдруг мелькнул ее или же ее дочери, или внучки образ: с разметанными спутанными волосами, с приоткрытым ртом разгоряченного лица и полузакрытыми глазами, полными наслаждения от вкушения запретного плода. Все это видение, как выполнивший свою роль кинокадр, метнулось одновременно во все стороны и бесследно исчезло. Послышался небольшой хлопок,

показавшийся до странности знакомым, похожим на резкий нетерпеливый удар по выпуклостям женских ляжек. Дверь стала тихо закрываться, и он быстро вышел из нее.

Никаких чувств, свойственных переживаниям человека, он не испытал. В этом смысле, все произошедшее было хуже, чем сновидение, в котором, по крайней мере, можно было испытать и любовь, и страсть, и наслаждение, и восторг.

VII

Когда он, наконец, переступил порог редакции «Зеркало флота», мечтая о Маше, но не забывая о службе, его чуть не опрокинул вылетевший оттуда морской офицер. В одной руке он держал фуражку с серебряной кокардой и серебристым филигранным шнуром, а в другой – свиток, которым он напоследок погрозил!

– Все! Все! Иду в Адмиралтейство! Да, да! Лично к адмиралу! Это не пройдет бесследно! Так и знайте!

– Ступайте, ступайте себе, гражданин Рюрикин! Это лучше, чем выносить сор из избы! Наша задача прятать факты, а не разглашать их на весь свет! Мы – зеркало флота, а не его темных дел!

«Что-то тут не так. «Зазеркалье флота»! Вот как я назвал бы твою редакцию!» – вдруг подумал Страдов, к радости отметив, что чувство юмора в путешествии по сновидению не исчезло. И представился:

– Капитан третьего ранга Болюстрадов!

– А-а… Вы, очевидно, из каланчи команды флота?!.. Да,

да, мы уже в курсе о случившемся пожаре на старой фабрике игрушек. Прямо у дебаркадера! А далее стоял корабль саммита! Представляете, если бы возникла огненная цепочка. Скандал на весь свет!

– Согласен, это ужасно, – подтвердил Страдов, всем нутром чувствуя, как сведения об опасности, грозившей кораблю, где шли переговоры, молниеносно представали перед недремлющим оком полковника Халтурина.

– Несомненно! Для кого-то это и весьма печально! Но господину Блюгеру уже выплачена страховка. Правда, только за оборудование и сырье. Все же, принадлежность недвижимости одному лицу в центре древней столицы – это очень, очень спорно! Вы видите, как реагируют граждане! Еще сквозит дым, на пепелище еще проливаются слезы или, как у вас говорят, сохнут пена и рукава брандспойтов, а наследник, нате вам – уже объявился!

– А, этот вот моряк?.. – кивнул Страдов назад. – Как же он может претендовать на то, что, как вы говорите, является имуществом Санкт-Петербурга!

– Что делать! Ведь он – потомок первого владельца! И, дай бог, ему в помощь! Адмирал человек покладистый! Блюгер все равно переезжает в Москву! А наше дело – никому и ничего, ни, ни! Увы, мы также не поможем и вам! Места в колонках сверстаны до последней точки над «i», и отвлекать общественность пустяками, такими, как партия сгоревших игрушек, когда здание целехонько, мы не станем. Пусть там

хоть золото Флинта!..

– Увы, значит, и мне от ворот разворот. Догадываюсь, как и всякому.

– Вы шутите? А чем мы, по-вашему, заполним колонки верстки! Вы видите, я корплю над ними с восьми часов утра! А сейчас как раз, – о, можете слышать сами, – время обеда!..

– А-а!.. – Страдов услышал, как на Петропавловской крепости слаженно грянули пушки, возвещая о двенадцати часах пополудни.

Халтурин, наблюдавший за всей картиной в своем кабинете, мог смело доложить генералу, что его аватаров за здорово живешь не разбудишь даже грохотом артиллерийского залпа; защитные системы сработали безупречно.

Не видя путей в обеденный перерыв получить больше информации, помимо связанной с пожаром, в том числе и той, которая могла бы объяснить, с какой стати он вдруг назвал себя Болюстрадовым, да еще оказался пожарным, Страдов покачал головой и чеканно вышел из редакции. Затылком он увидел, как ее штатный завсегдатай, необыкновенно высокий, – над столом виднелись все до единой пуговицы его костюма и даже пряжка ремня, – хотел было встать, чтобы закрыть дверь, но, подняв голову над низким потолком, передумал.

В Адмиралтействе же потолки были очень высокими, адмирал флота имел огромный кабинет. Над ним, над межэтажными перекрытиями, где Олег Страдов также обнару-

жил какой-то клад, как недавно это удалось профессору Петрегину в одном из зданий музея Арктики и Антарктики, подпирал небо знаменитый адмиралтейский шпиль с флюгером-корабликом на макушке. Никто, кроме него, стоя напротив стола адмирала, этого видеть не мог, а он, Страдов, такое свойство имел. Но никаких кладов над головой он не видел.

Не обнаруживал их сейчас, глядя в свой монитор и полковник Халтурин.

– Ну, Андрей Олегович, думайте! Думайте! – говорил он, переваривая увиденное и услышанное. – Да не переусердствуйте! Ваше личное да пусть не путается под ногами!.. Давай-ка, мы сделаем вот что, – решительно сказал он себе и постучал по клавиатуре.

В тот же миг адмирал, которому Страдов не успел представиться, вежливо предложил:

– Вы, разумеется, можете и даже, полагаю, имеете право присутствовать на нашем совещании. Не удивлюсь даже, что и располагаете определенными полномочиями… Да, да, спасибо, – поблагодарил он, увидев, что Страдов тут же развернул корочку перед его лицом. – Я и без документа вам чистосердечно доверяю. Мы – ни, ни, ни!.. Не вмешиваемся в дела вашей структуры, когда нас об этом не просят! Прошу вас, занимайте любой стул! – И он нажал на кнопку, вмонтированную в аппарат связи с секретарем. Тотчас стулья возле стола адмирала заполнили люди в морской форме. Страдов

скромно сидел в стороне.

– Нам пора вскрыть старые документы и выяснить, кто в свое время был более всего заинтересован в распродаже нашей недвижимости. До чего мы дошли! Скажите же, товарищ капитан третьего ранга! – вежливо попросил он важного гостя. – Ведь вы только что из редакции и, несомненно, в курсе всего!

– Так точно, стыдно сказать, товарищ адмирал! – сказал Страдов, вставая на вытяжку. И назвал первые пришедшие на ум две-три фамилии. – Эти фигуранты в нашей разработке прежде остальных. И, несомненно, свое они получат сполна!

Все молчали, глядя ровно на адмирала, словно не дыша.

– Есть и у нас на подозрении один! – сказал адмирал. – Только что у меня был потомок первого владельца сгоревшей фабрики игрушек Блюгера некто мичман Рюрикин. Не успел развеяться дым пепелища, а к мичману Рюрикину пришли, чтобы купить его молчание! Купить его имя вместе с дворянским титулом и правами первоочередности выкупа имущества у государства! Он предлагает это право нам. – С этими словами адмирал жестом дал разрешение высказаться одному из наиболее близко заглянувших ему в рот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.